

Сурнина Лидия Егоровна

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ И. А. КУРАТОВА

В статье представлены результаты исследования лирики И. А. Куратова сквозь призму ее субъектного строя. Можно говорить о том, что использование той или иной формы авторского сознания тесно связано с проблемно-тематическим аспектом произведений коми поэта. Тексты, определяющим моментом которых является биография и личная судьба, организованы лирическим героем. Тематический цикл, в центр которого выведен крестьянин и через него - народные традиции коми, имеет субъектом высказывания ролевого героя и автора-повествователя, т.е. формы, характерные для эпического искусства слова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 164-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

(Поспешишь, людей насмешит), *Besser zweimal messen, als einmal vergessen* (Семь раз отмерь, один раз отрежь) намекают на то, что всё нужно делать обдуманно, не торопясь.

Исследовав около 700 немецких пословиц и поговорок, можно сделать вывод о том, что в 243 из них используется игра слов. В большинстве случаев игра слов построена на таких стилистических явлениях как паронимазия и аллитерация, которые характеризуются благозвучностью речи. С помощью языковых парадоксов, иронии и лексических омофонов обыгрывание происходит лишь в отдельных случаях. В целом, все пословицы и поговорки несут обличающий или нравоучительный характер. Они стремятся эстетически, нравственно воздействовать на реципиента и указать ему на отрицательные или положительные моменты, сделать акцент на каких-либо явлениях, дать им оценочную характеристику. Пословицам и поговоркам характерно выражать в сжатой форме опыт, накопленный народом веками. Большая яркость, образность, благозвучие достигаются в том случае, когда играют словами.

Список литературы

1. Брандес М. П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
2. Волостных И. А. Пословицы и поговорки как языковая репрезентация менталитета (на материале французского языка) // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвузовский сборник научных статей. 2006. Вып. 1. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. С. 91-93.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2003. 448 с.
4. *Немецкие пословицы* [Электронный ресурс]. URL: <http://deutsch-sprechen.ru/%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B/> (дата обращения: 24.02.2015).
5. Шалагина В. К. Немецкие пословицы и поговорки. М.: Институт международных отношений, 1962. 89 с.

THE WORD PLAY IN THE GERMAN SAYINGS AND PROVERBS

Simutova Ol'ga Petrovna, Ph. D. in Philology
 Shidlovskaya Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
 Orenburg State University
 simutova-o@rambler.ru; schidlovskaja@rambler.ru

The article examines the stylistic means and techniques, occurring in the German sayings and proverbs, based on the word play. An attempt is made to analyze the data of the stylistic phenomena and revealing the aims of their usage. The authors pay special attention to the euphony of sayings and proverbs, which such stylistic phenomena as paronomasia and alliteration contribute to. For a full comprehension of German sayings and proverbs the word-for-word translation and their Russian equivalent are given.

Key words and phrases: sayings; proverbs; word play; paronomasia; alliteration; language paradoxes; irony; oxymoron; the play on words.

УДК 821.511.132-1

Филологические науки

В статье представлены результаты исследования лирики И. А. Куратова сквозь призму ее субъектного строя. Можно говорить о том, что использование той или иной формы авторского сознания тесно связано с проблемно-тематическим аспектом произведений коми поэта. Тексты, определяющим моментом которых является биография и личная судьба, организованы лирическим героем. Тематический цикл, в центр которого выведен крестьянин и через него – народные традиции коми, имеет субъектом высказывания ролевого героя и автора-повествователя, т.е. формы, характерные для эпического искусства слова.

Ключевые слова и фразы: коми поэзия; тематический цикл; субъектный строй; автор-повествователь; «ролевой» герой.

Сурнина Лидия Егоровна

Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
 surninalida@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ И. А. КУРАТОВА ©

Работа выполнена при поддержке программы УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.».

Иван Алексеевич Куратов (А. И. Гугов, 1839-1875) – основоположник коми национальной литературы, просветитель, философ, ученый-лингвист, переводчик, литературный критик, собиратель и исследователь фольклора. При своей жизни и в течение нескольких десятилетий И. Куратов был известен как поэт только

узкому кругу людей. Его поэтическое наследие долгое время хранилось у родственников и стало доступным читателю только в 1920-1930-е гг., когда его стихотворения нашли своего публикатора в лице известного коми ученого А. С. Сидорова [8]. Творчество И. Куратова стало одной из вершин национальных литератур России XIX в. Коми ученым В. Н. Деминым отмечается, что «И. Куратов – одно из самых значительных явлений культуры и общественной жизни финно-угорских народов России 60-х гг. XIX столетия» [2, с. 5-7]. Известный финно-угровед Петер Домокош называет И. Куратова «первым и великим поэтом коми», и, по его словам, И. Куратов – это «один из представителей уральских народов, имеющий мировое значение» [3, с. 165]. Удмуртский исследователь В. М. Ванюшев, характеризуя творчество коми поэта, отмечает, что И. Куратов был по-настоящему сложившимся большим поэтом не только в коми литературе, но и во всем литературном регионе Поволжья и Урала. По мнению ученого, в 60-е гг. XIX в. И. Куратов со своим многоаспектным реалистическим художественным исследованием состояния коми общества вывел родную национальную литературу на самые передовые рубежи в регионе [1, с. 67].

Необходимо понимать, что во времена И. Куратова единой коми словесности еще не существовало. Словесность Коми края XIX в. своим развитием обязана народоописательной очерковой литературе на русском языке, сбору и публикациям фольклорных и этнографических материалов. В это же время параллельно начинается процесс создания оригинальных произведений на коми языке, в основном – это стихотворные тексты – подражания народной лирике и переложения произведений религиозно-просветительской литературы. Из поэтических произведений, созданных в докуратовский период, современная наука располагает лишь отдельными текстами. Это стихотворные опыты П. Ф. Клочкова (1831-1853), преимущественно напоминающие народные лирические песни; собрание В. А. Куратова (1820-1862) «Борданквьяс верос сайо ныв сетом дырйи» (Причитания невесты при выдаче ее замуж), представляющее собой самое значительное произведение, записанное из уст народа в I половине XIX в. [7, с. 23]; стихотворные произведения Г. С. Лыткина (1835-1907), близкие к народным причитаниям, и произведения П. В. Распутина (1820-1901), в которых ощутима опора на традицию переводов духовной литературы. Известно, что И. Куратов критически оценивал сочинения первых коми поэтов. В его рукописях сохранились литературно-критические высказывания, в которых он отмечал эстетическое несовершенство и низкие художественные качества произведений «известных пиитов зырянских» [5, с. 209]. Критическое восприятие И. Куратовым произведений своих современников в определенной степени помогло ему уяснить и собственные задачи. И. Куратов, имеющий высокий уровень филологической и духовной образованности, широко понимал благотворное влияние национальной литературы на распространение образования среди коми народа. На эту тему он размышляет в своих конспектах: «Зырянские стихотворения своего рода... редкость. Но когда есть народ, то ему нужно образование, познания же можно передать ему через его же язык, ... это единственный орган распространения знания между зырянами» [Там же, с. 220].

По сравнению со своими предшественниками, концентрирующими внимание на отдельных, варьируемых в народной и духовной лирике эмоциональных состояниях и сферах жизни человека, И. Куратов значительно расширил область эстетического освоения действительности. Место и предназначение поэта в окружающем мире, противоречия современной поэту общественной жизни, личные переживания реально-исторического человека, быт и нравственные ценности деревенского жителя, судьба родного языка и народа, вечное притяжение и противоборство жизни и смерти – таков тематический диапазон произведений коми поэта, определяющий национальное своеобразие и одновременно включенность его лирики в общий контекст отечественной и мировой литературы [6, с. 133].

Расширение проблемно-тематического содержания лирики И. Куратова повлекло за собой и освоение соответствующих форм выражения авторского сознания, в том числе – субъектных. Если говорить о субъектном строе куратовской поэзии, то в процессе исследования было выявлено, что проблемно-тематический аспект его произведений тесно связан с использованием той или иной формы авторского сознания: тексты, определяющим моментом которых является биография и личная судьба, организованы лирическим героем. В творческом наследии И. Куратова стихотворения о роли поэта и назначении поэзии занимают значительное место. Образ поэта, возникающий из совокупности произведений названного цикла, является в основном автобиографичным: «Коми кыв» (Коми язык), «Морт олóm» (Жизнь человека), «Выль сьланкыв» (Новая песня), «Сьлан менам, сьлан» (Песня моя, песня), «Менам муза» (Моя муза), «Поэт». Предметом осмысления стихотворений является не слава поэта, а будущее родного языка и поэзии: «Наш язык я слышал С колыбели милой, Видно, и забуду, Лишь сойдя в могилу... И на нем я первый Вслух запеть решился... Пусть другие громче Запоют за мною – И услышат коми Многое родное» (Коми язык; *перевод А. Смольникова*). «Песня моя, песня, Радости и муки! Ласково как сына, Брал тебя я в руки... Ну, к кому пойдешь ты? Кто тебе поможет? Знаю! Затеряться Все же ты не сможешь!» (Песня моя, песня; *перевод А. Размыслова*).

Однако образ поэта вырисовывается и в стихотворениях крестьянской тематики, в которых говорится не только о народных типах, но и об отношении И. Куратова к народу. Перед читателями предстает поэт, определяющий для себя принципы художественного изображения человека, и манифестирующий себя именно коми поэтом. Ключевыми образами становятся с одной стороны – личность самого поэта, а с другой стороны – народ в конкретных его представителях, и через него – народные традиции коми. С точки зрения субъектной организации стихотворения крестьянской тематики представлены двумя формами авторского сознания: автором-повествователем и героем «ролевой» лирики, т.е. формами, характерными и для эпического искусства слова. Выявив в поэзии И. Куратова стихотворения с ролевой и повествовательной формами высказывания, нельзя не заметить их героико-тематической общности, в центре этих текстов – герой из народа,

деревенский житель, коми охотник, крестьянин. Это люди высокого духа, в них раскрываются не только социально обусловленные черты, но и национальное мировосприятие.

В стихотворениях «Голь зон» (Парень-бедняк), «Грездса ныв карса баринлы» (Деревенская девушка городскому барину), «Эльтчём» (Исповедь), «Пёрьсы морт» (Старик) поэт ставит героя – представителя народа – наравне с собой, полностью доверяя ему слово и видение мира. Герои изображаются в трудных для них обстоятельствах, в момент абсолютного проявления своих человеческих качеств, поэтому ролевая форма в этих произведениях не случайна: поэт «передает» слово своим героям, будучи убежденным в их человеческой сущности. В стихотворениях предстают люди, понимающие свою судьбу, данную свыше, и принимающие жизнь такой, какая она есть. Ролевая форма в стихотворениях И. Куратова доносит до читателя не только авторскую мысль и его нравственную позицию, но и представления народа, изложенные от имени героя. Роль автора в стихотворениях с ролевой формой сводится к тому, чтобы подчеркнуть не бытовую, а сущностную основу в человеке. Выбирая форму «ролевой» лирики, поэт идет по проложенному фольклорной традицией пути, часто опираясь на песенную поэтику. В то же время облик героя И. Куратова гораздо более индивидуален, реалистичен, объёмен, чем в фольклоре или произведениях предшественников поэта, концентрирующих внимание лишь на отдельных эмоциональных состояниях героя (стилизация под народное сознание ощутима на фоне любовных «ролевых» песен). В творчестве коми поэта реалистическое изображение жизни явно превалирует над фольклорной традицией, в этом «ролевая» лирика И. Куратова созвучна отечественной поэзии своего времени: его герой – это «крестьянин со своей частной судьбой, со своим индивидуальным несчастьем, и общие судьбы народа выражены в частном варианте, в его личной судьбе» [4, с. 354].

В отличие от героев «ролевой» лирики персонажи в стихотворениях с повествовательной формой высказывания не говорят от своего имени. В произведениях «Тима, дерт нин, пёрьсы» (Тима, конечно же, стар), «Пёч» (Старуха), «Коми бал», «Закар ордын» (У Захара), «Том зон» (Юноша), «Том ныв» (Молодая девушка), «Муса ныланой, мича аканьой» (Милая девушка, красивая куколка) на первом плане – характеристика внешности героев и их поведения. Можно с уверенностью сказать, что поэт в этих произведениях обладает большим знанием, осознанием традиции, поэтому и дает слово не герою, а собственному «доверенному лицу» – повествователю. Описания в произведениях насыщены вещными зрительными деталями, относящимися к персонажному миру. Такая центростремительность текста к герою связана с тем, что стихотворения выполняют вполне эпические задачи, главная среди которых – это сформировать представления о народной этике и погруженности сельчанина в традиционный образ жизни.

Между тем, субъектная ткань стихотворений с повествовательной формой высказывания сохраняет и основополагающий принцип лирики – говорящий никогда не остается полностью бесстрастным рассказчиком. Автор-повествователь преимущественно придерживается позиции постороннего наблюдателя, он ведет речь только о том, что может увидеть или услышать, не принимая при этом ни одну из тех ролей, которые могли бы как-то связать его с миром героев. Позиция постороннего наблюдателя дает ему возможность локализации собственной точки зрения в художественном пространстве произведения. Однако в некоторых случаях основной субъект речи смыкается с персонажами, включает их мысли и чувства в свой текст, или, наоборот, вкладывает в их уста собственные суждения. Субъектная насыщенность текста в значительной степени создается тем, что говорящий воспроизводит настроения героев повествования («Старуха», «Коми бал», «У Захара»). В какие-то моменты повествователь говорит о герое на правах, аналогичных правам давнего знакомого, имевшего возможность достаточно долго наблюдать этого человека, чтобы судить об устойчивых свойствах его характера и поведения («Тима, конечно же, стар»). В отдельных случаях субъект речи в стихотворениях И. Куратова напоминает личного повествователя («Юноша», «Молодая девушка», «Милая девушка, красивая куколка»): говорящий не персонифицирован полностью, не назван и в то же время имеет эмоционально-нравственное самоопределение, выражая его целым рядом имплицитных приемов; повествующий предстает человеком, обладающим большим жизненным опытом. В некоторых стихотворениях основной субъект речи выступает в качестве «всезнающего субъекта», он знает все обо всех, и именно это его качество позволяет выделить в каждом персонаже самое главное («У Захара»).

Таким образом, в стихотворениях с ролевой формой высказывания, прежде всего, акцент делается на человеческую сущность героев, в которых раскрываются душевные качества людей, привлекательных своим оптимизмом и верой в собственные силы. В произведениях с автором-повествователем выявляются представления о народной нравственности и традициях коми; герой предстает не только как индивидуальная личность, но и как гарант существования традиции. Авторское сознание в лирических произведениях коми поэта материализуется не только в сфере субъектной организации, получая грамматическую оформленность в границах высказывания, но и в самой структуре текста, каждый элемент которой (художественное пространство, образный ряд, мотивный комплекс, предметный мир, композиция, сюжет), так или иначе, становятся средством репрезентации авторского дискурса.

Список литературы

1. **Ванюшев В. М.** Место И. А. Куратова в дореволюционной литературе Поволжья и Приуралья // Куратовские чтения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. Т. 6. С. 67-73.
2. **Демин В. Н.** Рифмою крылатой свяжем строки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 160 с.
3. **Домокош П.** Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993. 288 с.
4. **Корепова К. Е.** Крестьянские писатели // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С. 347-369.

5. Куратов И. А. Высказывания о литературе, поэзии и искусстве // Куратов И. А. Художественные произведения: в 2-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1939. Т. 1. С. 201-220.
6. Лимерова В. А. Куратов Иван Алексеевич // Литература Коми: словарь школьника. Сыктывкар, 2007. С. 131-142.
7. Мартынов В. И. У истоков национальной литературы // История коми литературы: в 3-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2. С. 22-32.
8. Сидоров А. С. Тöдлытöм коми гижысь И. А. Куратов (Неизвестный коми поэт И. А. Куратов) // Парма ёль (Лесной ручей). 1923. № 1-2. С. 18-20.

ON THE PROBLEM OF THE MEANS FOR REPRESENTATION OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN THE LYRICS BY I. A. KURATOV

Surnina Lidiya Egorovna

Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
surninalida@mail.ru

The article presents the results of I. A. Kuratov's lyrics analysis through the prism of its subject structure. The findings allow concluding that the use of a certain form of author's consciousness is closely associated with the problematic and thematic aspect of the works of a Komi poet. The texts the key point of which is a biography and personal destiny are organized by the lyrical hero. The thematic cycle is centered on a peasant and through him – on Komi folk traditions, the subjects of statement here are the role hero and author-narrator, i.e. the forms typical for the epic art of words.

Key words and phrases: Komi poetry; thematic cycle; subject structure; author-narrator; "role" hero.

УДК 8; 81-116

Филологические науки

Исследование посвящено системе риторического анализа, предложенной в трудах Аристотеля. В статье рассматривается комбинация конвинсивного и персуазивного компонентов убедительности речевого сообщения в трактовке Аристотеля при анализе действий коммуниканта; представлены элементы, составляющие убеждение в концепции ораторской речи Аристотеля, и приводятся примеры. Предложенная Аристотелем система риторического анализа может быть использована при проведении исследований убедительности не только монологических сообщений, но и диалогического общения.

Ключевые слова и фразы: аргументация; убедительность; логос; этос; пафос; энтимема; конвинсивно-персуазивный анализ.

Сухарева Ольга Эдуардовна, к. филол. н.
Тюменский государственный университет
o_suhareva@inbox.ru

СИСТЕМА КОНВИНСИВНО-ПЕРСУАЗИВНОГО АНАЛИЗА В РИТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ АРИСТОТЕЛЯ©

Убедительность речевого сообщения состоит в целом кластере факторов, которые в методических целях можно рассматривать по отдельности. При анализе действий коммуниканта в названном ракурсе в условиях монолога наиболее естественным представляется использовать разделение убеждения на конвинсивное (рациональное, преимущественно логосное) и персуазивное (эмоциональное, преимущественно этосное и пафосное). В разных риторических системах эти компоненты присутствуют в разном балансе. В настоящей статье мы рассмотрим комбинацию (систему) конвинсивно-персуазивного анализа, представленную в риторических трудах Аристотеля [1; 2].

Формы доказательств. Доказательство либо находится (изобретается) для конкретного случая, либо берется из уже существующих. К первому типу относятся логосное, этосное и пафосное доказательства. В логосном производится демонстрация истинности (настоящей или кажущейся) на основе средств из собственно речи (ср.: *ad rem*). В этосном доказывание идет в ориентации на доверие к оратору (ср.: *ad hominem*). В пафосном сама аудитория становится инструментом доказательства, в зависимости от ее умонастроения.

Топосы. Различаются универсальные (общие) и конкретные (частные) топосы. К общим относятся возможность / невозможность, прошлые факты, будущие факты и размер.

Способы аргументации. Это не материальные пропозиции, а методы рассуждения. Автор выделяет 28 типов валидных и 9 невалидных аргументов.

К валидным отнесены: противоположности; отклонения (*inflections*); корреляты; вариабельная амбивалентность (ср.: более-мнее); время; дефиниция; индукция; существующие решения; обращение таблиц (*turning the tables*); часть – целое; простые следствия; пересекающиеся (*criss-cross*) следствия; имплицитное размышление – эксплицитная демонстрация; пропорциональные результаты; идентичные результаты и антецеденты; корректируемые альтернативы; приписываемые мотивы; стимулы и препятствия; невероятные случаи;